

The background of the entire page is an abstract, ethereal image of blue smoke or mist. The smoke is wispy and translucent, swirling and rising from the bottom left towards the top right. The colors range from a pale, almost white light blue to a deep, dark navy blue, creating a sense of movement and depth. The overall mood is mysterious and slightly unsettling, which complements the book's title.

Лилия Фрик

Гадкие истории

Вы бы не хотели, чтобы это
случилось с вами...

Лилия Фрик

**Гадкие истории. Вы бы не хотели,
чтобы это случилось с вами...**

«Издательские решения»

Фрик Л. В.

Гадкие истории. Вы бы не хотели, чтобы это случилось с вами... /
Л. В. Фрик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909109-3

В нашей жизни порой происходят события, которые мы не в силах объяснить, и только главные герои точно знают, почему поступили так, а не иначе. Заглянете за ширму чужой души? Подсмотрите в замочную скважину личных мотивов? Треш, секс, любовь, смерть — все это настолько буднично, что не заслуживает высокопарных слов. Сложные вещи простыми словами — вот что находится под обложкой.

ISBN 978-5-44-909109-3

© Фрик Л. В.
© Издательские решения

Содержание

Человек хороший	6
Тема сисек не раскрыта	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

**Гадкие истории
Вы бы не хотели, чтобы
это случилось с вами...**

Лилия Владимировна Фрик

© Лилия Владимировна Фрик, 2018

ISBN 978-5-4490-9109-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Человек хороший

– Почему ты столько лет прожил с ней? – любопытствовала она, прижимаясь к его плечу светлой головой. — Ты красивый, самодостаточный мужчина, мог ведь выбрать и гораздо более привлекательную женщину... – она замолчала, неожиданно осознав, что может обидеть его своим вопросом.

Этот вопрос ему задавали тысячи раз. Он не отвечал на него. Потому что не знал что ответить. Но сейчас этот вопрос прозвучал как-то по-особенному. Из уст той, что превыше всего ставила любовь, он особенно неприятно резанул его по самолюбию. Ему стало очень неприятно, что он мог жить с женщиной без любви. Более того, с безобразно толстой, похожей на трансвестита женщиной, торговкой на рынке. И при этом ему было очень комфортно с ней жить.

... Тогда ему было 25 лет. Они познакомились на какой-то даче, толстуха со стрижкой под мальчика сразу привлекла его внимание своей доступностью. Она многозначительно на него смотрела, старалась находиться поближе и, в конце концов, увлекла в соседнюю комнату. Будь он трезв, он, возможно, не позарился бы на такой сомнительный экстерьер, но алкоголь, как известно, творит чудеса. Он плохо помнил тот секс, но на второй день он повторился, а на третий день он уже проснулся в ее квартире, где за стеной спал ребенок и мать толстухи.

С утра его ждал сытный вкусный завтрак, сдобренный запотевшей бутылкой водочки, а десертом стал минет в ванной. Что еще нужно холостому мужчине, мотавшемуся от женщины к женщине на протяжении последних двух лет? Через неделю он обнаружил, что перевез в эту квартиру свои вещи, а толстуха в телефонном разговоре называет его «мой мужик». Отсутствие работы и денег сыграли немаловажную роль в том, что он остался, здесь он мог не заботиться о своем благосостоянии.

Ему нравилась манера общения толстухи: грубовато-простоватая, со всеми на «ты», с некоторой долей сарказма, у нее было неплохое чувство юмора. Она не боялась никого и ничего, могла любого послать прямо на три буквы, безо всякого смущения. И это его восхищало, он в силу своей природной деликатности, не мог даже грубого слова сказать, если на то не было веской причины.

Еще она хорошо готовила. Очень хорошо. На столе каждый день были всякие вкусняшки, выпечка, мясо. Ну и, конечно, секс. Она просто обожала это дело, даже месячные не были для нее препятствием. И от этой ее неприкрытой похоти ему было очень приятно. Он чувствовала себя настоящим самцом, таким мачо, ебарем-гладиатором. Она была очень вульгарна и это его всегда возбуждало. Ее фраза «писечка по тебе соскучилась» и характерный жест разведения ног сразу вызывал у него эрекцию. Он уже знал, что за этим последует. Она отваливалась назад, чтобы он мог раздвинуть ее ляжки. Ее пышущее жаром влагалище призывно влажнело под его пальцами, светлые, редкие лобковые волосы не мешали видеть самую суть женского естества. Он не замечал ее бесконечные вспотевшие складки жира; не чувствовал едкого запаха пота; не слышал, что она дышит, как состарившийся мопс, захлебываясь слюной. Для него существовало только одно – это готовое к совокуплению влагалище, жаждущее его. Он мял распушенные по животу сиськи и не обращал внимание на их убогость...

После секса он сразу шел в ванную, а по возвращению она была уже в необъятной ночной рубашке, поэтому оценить комичность ситуации трезвым взглядом он не мог – как он копошится у нее между ног, пока она не кончит, а после нескольких фрикций кончал и сам. Иногда она просила еще и, чтобы раззадорить его, делала ему минет, тот самый, который стал причиной их союза. Это он любил больше всего. Она никогда не отказывала, если он просил ее об этом. Однако сам никогда не целовал ее между ног, несмотря на ее уговоры. Тыкаться носом между дряблых сальных ляжек – такая перспектива его совсем не привлекала. Он даже в губы

ее никогда не целовал, не говоря уже о большем. Неприятно ему было с ней целоваться, это происходило крайне редко и в основном, по пьянке. Они никогда не обнимались, он не брал ее за руку, не гладил по шее.

Это был союз мужчины, которому все равно кого трахать и большой, вождедеющей пизды. Так он это обозначил для себя сейчас. Но тогда ему казалось, что они вполне счастливы. Они вместе торговали, ездили отдыхать на зарубежные курорты, частенько выпивали. Так они прожили 14 лет и даже ухитрились завести ребенка, который ему, собственно, был совсем и не нужен. Ему страстно хотелось изменить ей, подержать в объятиях настоящее женское тело, а не глыбу потного мяса, но ему было лень.

Это надо было таиться, ухаживать, врать. На это у него не было ни времени, ни желания. Так бы они, возможно, и состарились вместе за рюмкой водки и перемыванием костей знакомым – как обычно проходили их совместные вечера, остальное время он проводил за компьютером или книжкой. Выходить «в свет» без нее он не мог, толстуха регулярно устраивала по этому поводу скандалы и ему проще было остаться дома, чем нарываться на конфликт.

После рождения ребенка жизнь стала менее комфортной, но он не мог ничего поделать. Его родители с детства учили, что нужно быть ответственным, и он понимал, что теперь точно не сможет оставить эту семью. Они официально поженились и толстуха стала просто неистовствовать.

Она ревновала его совершенно без повода, истерила каждый раз, как он заходил в «одноклассники» и несколько раз пыталась за ним следить. Он почувствовал, что прелесть уютной семейной жизни заканчивается. Постоянно орал ребенок, все заботы о бизнесе легли на его плечи, он стал замечать все недостатки толстухи, которые прежде пропускал мимо сознания. Он стал стыдиться выходить с ней в люди.

Впечатление она производила еще то. Маленького роста, заплывшая жиром немолодая женщина с бритым затылком и вечно скатавшейся в уголках рта помадой. Даже если бы он захотел ее обнять, он не смог бы ее обхватить – это осознание пришло к нему спустя столько лет. У нее все время была потничка на ляжках и ей приходилось в летнее время носить либо бриджи, либо под юбкой панталоны. Это открытие даже несколько затуманило образ Пизды, которая всплывала в его памяти, как только он думал о толстухе.

Насколько она глупа, он понял сразу после знакомства, но раздражать это стало только сейчас. Зато она была непревзойденной в делах житейских, хотя это было слабое утешение. Иногда он подумывал о том, чтобы уйти. Но жить с матерью в однокомнатной квартире... Можно, конечно, поделить совместно нажитое имущество, но толстуха так просто его не отпустит, прогонит его из бизнеса, придется идти работать. И мысли о разводе отходили куда-то в неопределенность. Секс продолжал быть прекрасным, но необходимость в нем поубавилась, это также вызвало подозрения жены и ему приходилось совершать над собой усилие, чтобы настроиться на нужный лад. Все чаще он стал засиживаться у телевизора, хотя обычно ложился спать рано – чтобы избежать близости.

Однажды после очередного скандала, толстуха его прогнала, будучи уверена, что он ей изменяет. Это была сказочная неделя! Он побухал с товарищами, переспал с бывшей подружкой, познакомился с парочкой женщин в кабаках. Но большего он сделать не успел – толстуха позвала его назад. Ну как позвала, пригласила что-то починить по старой дружбе. Он пришел, а на столе уже водочка, закуска и коронная фраза толстухи после пятой рюмки: «писечка соскучилась». Он сам не ожидал, как уже стягивал с нее трусы и пихал пальцы в горячую щель.

Потом они еще несколько раз расставались, но «писечка» неизбежно их мирила. Пока он не встретил Елену.

Он был на школьном празднике у сына (подобные мероприятия всегда посещал он), а Елена была ведущей, она работала в этой школе учителем начальных классов. Она была молода и хороша собой, а главное – напомнила ему о его юности, в которой была жизнь, в отличие от сегодняшнего тухлого существования.

Они познакомились, добавились в друзья в интернете, часто переписывались. Он чувствовал какое-то томление в груди, но не мог понять, что это. Ему бесконечно хотелось видеть Елену, и тотальный контроль со стороны жены стал его очень угнетать. Через две недели он решился пригласить Елену на свидание.

Тот поцелуй произошел сам собой и оставил в нем неизгладимое впечатление, через день он пригласил ее на свидание второй раз. Они остались ночевать в съемной квартире, дома он сказал, что встречается с одноклассниками, стойко выдержав истерику жены и ушел, хлопнув дверью.

Эта ночь была особенной, он впервые за много лет проводил время в постели с женщиной, а не с Пиздой. С красивой женщиной с упругой грудью, длинными ногами, тонкой талией. Он совсем забыл, что это такое – обнимать, гладить, ласкать и был в растерянности от того, что и его гладят, целуют, нежат.

Никаких тебе жирных мопсов с пиздой, алеющей в светлых волосах. Это было подобно чуду, он как будто очнулся от какого-то муторного сна. Он вдруг понял, как ничтожна его жизнь. С Еленой они провели два дня, он отключил телефон. Они болтали, занимались любовью, даже погуляли немного. Она была смешной, доброй и нежной, очень и очень неглупой,

а главное – она ничем не напоминала ему жену. Но что для него было самым удивительным, он хотел ее безо всяких коронных фраз и характерных жестов. Хотел постоянно и сам удивлялся своим возможностям.

А еще он испытывал невиданную нежность: тоненькая жилка на шее, к которой хотелось припасть губами; бархатистая кожа, которую он беспрестанно гладил; изящная спина, которую он покрывал поцелуями. Такого в своей жизни он не помнил.

Когда Елена уехала домой, он почувствовал такое опустошение и отчаяние, что ему захотелось выпрыгнуть с балкона этой квартиры, где он только что был счастлив. Но вместо этого он пришел домой и, не глядя на голосащую толстуху, стал собирать вещи. Когда она поняла, что происходит, она начала плакать, умолять. Он мельком глянул в ее бесцветные, пороссячи глазки, из которых лились слезы, и стал собираться скорее, опасаясь, что ударит в это лоснящееся лицо. Он не слышал проклятий, которые сыпались на него, уворачивался от летевших в него вещей.

На улице он понял, что только сейчас начинает жить. Что там выйдет с Еленой – непонятно, но он готов ждать, бороться, добиваться. Главное – не сидеть с этим тюленем за одним столом и не слушать ее бесконечных сплетней о товарах; главное – не быть под колпаком у Пизды.

...С Еленой они стали жить вместе и были абсолютно счастливы. Но он иногда вспоминал ту толстуху и думал, что если сейчас бы она раздвинула ноги, как раньше... Что бы он почувствовал? Проверить это ему выпала возможность. Жена попросила его помочь собрать ребенку кровать. Привезли поздно, а спать сыну было негде, повод, конечно, так себе, но он согласился. Чтобы проверить себя.

Все было именно так, как он и ожидал: накрытый стол, манящие запахи вкусного ужина, запотевшая бутылка водки. И толстуха, еще более мерзкая, чем он ее помнил. Невыразительное лицо, глупая улыбка со скатавшейся помадой в уголках губ, тройной подбородок, пальцы-сосиски, конопатые руки, белесые ресницы и брови. И тонны, просто тонны бесформенного тела.

– Писечка соскучилась, – жалобно протянула она и распахнула халат. Впервые под ним ничего не было, это худшее, что она могла придумать. Хотя нет, еще более худшим были белые кружевные чулки, которые она тоже надела впервые – по такому случаю. Она села на кресло прямо перед ним и раздвинула ноги. Он внимательно прислушался к себе, ничего кроме отвращения он не испытывал. Как он мог вообще прикасаться к этому мясному ассорти, его передрнуло и он вышел, не попрощавшись. Больше они не виделись, он не мог даже слышать о толстухе, она напоминала ему о собственной никчемности.

... – ну и? – вопросительный тон Елены вывел его из раздумий. – Так почему же ты столько лет прожил с ней? Ты ведь говоришь, что не любил ее?

Он представил, как удивленно взметнутся эти строгие брови, как округлятся эти голубые хрустальные глаза и приоткроется маленький ротик, когда он скажет Елене про Пизду и ее власть над ним...

– Просто она человек хороший была, неудобно было бросить...

Тема сисек не раскрыта

Все начиналось, как в хорошем кино: шум волн, запах шашлыка, холодное пиво и игристое вино в пластиковых стаканчиках, искры от костра, розовеющий закат, веселая, хорошая компания...

Как он очутился здесь – в тесной кабине чужого авто с этой женщиной, чьи тяжелые и опавшие груди он тискал, жадно заглывая бледные соски. Она торопливо расстегивала ему ширинку, словно боясь, что он передумает. Он бы не передумал, загадочный механизм бессмысленной алкогольной похоти вперемешку с алкогольной же бравадой был запущен, и остановить его было под силу только самому Богу, но тот мирно спал. Было около четырех часов утра.

В машине было душно – двери и окна были закрыты – запах пота перемешивался с рыбным запахом женского естества и свежего перегара. Поцелуи были слюнявыми и неприятными, он бы обошелся и без этого, но так положено. Особенно когда трахаешь чужую женщину.

Кто она он помнил смутно, их представили друг другу, но у него всегда была слабая память на имена и детали человеческой жизни, как —то профессия и нечто подобное. Красивой она ему не показалась, но вполне соответствовала определению женщины ухоженной: маникюр, педикюр, гладкие ноги, блестящие волосы. Лицо он не очень запомнил, без макияжа многие женщины становятся настолько безликими, что их сложно узнать потом. Запомнил цвет глаз – ярко-синий с нелепой, будто нарисованной радужкой. Контактные линзы, такие он покупал своей дочери, ворча, что это глупость и безвкусица. Особым чувством юмора она не блистала, бесед философских не заводила, тему «о культуре-литературе-кино» не поддерживала. Просто молча выпивала и улыбалась, как ей наверное казалось – загадочно.

Поэтому он ее называл «женщина с сиськами». С сиськами были почти все присутствующие дамы, но такого размера не было больше ни у кого. Правда, как и все женщины, используя достижения прогресса, Женщина с сиськами немного хитрила и выдавала свои потрепанные временем боксерские груди за упругую и крепкую грудь, в чем он имел неудовольствие убеждаться прямо в данный момент.

Женщина с сиськами была бледной, несмотря на середину лета и у нее были веснушки – на спине и плечах. Ему не показалось это трогательным днем, он даже скорее счел это не очень привлекательным, но сейчас, в предутренних сумерках, глядя на эти веснушки на ее спине, которая находилась прямо перед ним, он бурно кончил, содрогаясь и сгибаясь пополам, как от удара под дых.

Возились они в машине недолго – минут пятнадцать от силы, но за это время солнце своими ласковыми пальцами дотянулось до берега озера, где был разбит их палаточный лагерь. Только что было почти темно, и вот уже небо становится на глазах синим, а горизонт заливает розовое море, свидетельствующее о пробуждении мира.

Он открыл дверь и вышел из машины, на ходу натягивая джинсовые шорты и размышляя, как бы побыстрее отмыться от чужого запаха. И остановился, как вкопанный. Его Ната стояла вплотную к машине и смотрела на него широко распахнутыми глазами. Припухшее ото сна детское лицо, тонкие руки, машинально приглаживающие вьющиеся волосы, слегка обветренные вечерним ветром и от этого ставшие очень красными губы.

– Я потеряла тебя... – прошептала она, – и пошла искать... и..и..тут вы...

Она тряхнула головой и побежала в палатку. Запуталась в свободных шлепках и упала на песок. И заплакала навзрыд, не став подниматься.

Он просто стоял. Глядя в ее огромные от ужаса и изумления карие глаза, он увидел, в замедленном действии, как они гуляют в залитом солнечном свете парке, держась за руки; как носятся на море, как дети, хохоча и брызгая друг друга; как он делает ей предложение,

а она плачет от радости; как она спит, разметавшись по простыням, заняв всю постель; как она повязывает ему колючий шарф на шею, уверяя, что всегда так нужно делать, когда болеешь. И много еще подобных светлых вспышек, которые мелькали как 25 кадр, не успевая стать картинкой, но оставляя ощущение полного счастья.

А сейчас Ната лежала на желтом песке в своих салатовых шортиках, так оттеняющих золотистый загар ее стройного тела и своими крошечными кулачками сжимала и разжимала песок, как будто песчинки были виноваты в том, что он залез в трусы Женщине с сиськами.

Стоили ли эти сиськи того? Белесые, с прожилками вен, шлепающие по бокам, пока их владелица выгибается под его пальцами от удовольствия.

Как он вообще решил вступить в контакт с этими сиськами? Воспоминания вечера приходили неохотно и расплывчато. Не встретить его Ната здесь, он бы даже вообще не вспомнил, что это было. Но сейчас надо было вспомнить. Музыка, танцы, песни под гитару. Нату поят вином, она мало и редко пьет, поэтому хмелеет быстро и становится смешной и милой. Они обнимаются, без конца целуются под общие аплодисменты. Нет, это не то... Роясь в собственной памяти, как вонючей помойке – осторожно и брезгливо – он наконец находит тот момент.

Все уже ушли спать, двое спят прямо возле костра – самые стойкие. Полупустая бутылка водки сиротливо лежит на столике и ее содержимое расплывается на фанере причудливым пятном. Он уложил Нату в палатке, давно уже дремавшую в кресле у костра, укрыл одеялом и вышел отлить. За кустами он наткнулся на Женщину с сиськами, она стягивала купальник, тоже собираясь справить малую нужду.

Увидев его она не смутилась, не попыталась отойти, а уставившись на него затуманенными синими глазами с размазанной от слез тушью, сняла трусы и села на корточки. Он стоял и смотрел. Он увидел ее постриженную промежность, оголенную в зоне бикини. «Только для кого все это?» – мелькнуло в голове у него. Женщина с сиськами весь остаток вечера плакала, что у нее никого нет уже полгода, и разве она так плоха, что мужчины не стремятся завести с ней отношений? Все наперебой утешали ее и говорили, какая она красивая и сексуальная. И он – тоже, и Ната.

А теперь эта женщина, видимо демонстрируя свою сексуальность на деле, сидела и ссала, глядя ему в глаза.

В голове промелькнули образы из различных порнофильмов, виденным им в разное время и его охватило возбуждение. Он даже писать расхотел. Лужа между ее ног увеличивалась пропорционально его эрекции. Когда с отправлением естественных надобностей было закончено, он шагнул к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.